

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
(Москва)

ГЕРОЙ-РЕБЕНОК В РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Обращение к проблеме героя-ребенка в русской волшебной сказке предполагает прежде всего выявление тех признаков, которые делают сказочного персонажа героем вообще. Дело в том, что всякий персонаж сказки определяется не только и не столько сюжетными [Добровольская 2001], сколько внутренними, имманентно присутствующими ему признаками. Распространенное представление о персонаже-«герое» оказывается на деле плодом совмещения двух разнопорядковых категорий: функциональной (герой) и сущностной (персонаж). Возникает вопрос, существует ли вообще персонаж-«герой», то есть сопряжена ли в действительности функция «героя» с каким-либо специфическим для нее устойчивым действующим лицом? Только такое действующее лицо может рассматриваться как персонаж-«герой» (в то время как, например, особого персонажа «предмет поиска» не существует, так как в функции предмета поиска выступают самые разные, не связанные с ней специально персонажи).

Для определения персонажей, выступающих в функции героя сказки, необходимо выделить значащие признаки, по которым различаются «герои» различных сказок, и проверить, существуют ли устойчивые непересекающиеся (или малопересекающиеся) сочетания этих признаков. Каждое такое сочетание будет соответствовать отдельному персонажу. «Герои» разных сказок (точнее, элементарных сюжетов) могут различаться:

1) по возрасту (взрослый — в большинстве сказок, ребенок — в сказках «Брат и сестра у ведьмы» [СУС-327А], «Мальчик-с-пальчик у ведьмы» [СУС-327В], «Мальчик и ведьма» [СУС-327С, F], «Мальчик похищает у нечистого сокровища» [СУС-328] и некоторых других);

2) по специально (иногда постоянно) указываемому социальному происхождению (царевич, купеческий, солдатский, крестьянский, батрацкий сын);

3) по наличию или отсутствию чудесных признаков:

— чудесное рождение («У попа была по-
падья очень красива, и ходил медведь и три

года на нее зарился; на четвертый ее и увел.
<...> Родился сын, нарекнули имя: Иван Мед-
вежье Ушко» [Соколовы 1999, 54]);

— особенная внешность («По локоть
руки в золоте, по колен ноги в серебре, в тыли
месяц, по косичам часты звезды, во лбу солн-
це» [Азадовский 1932, № 2]);

— сверхъестественные способности (на-
пример, необыкновенная сила: «...начал с
ребятенками поигрывать — кому руку ото-
рвет, кому — ногу» [Зеленин 1997, 43];
«Иван-царевич... как взял за замок — куды
замок пошел. Живо все разломал и ворота
отворил...» [Зеленин 1997, 122]);

4) по наличию или отсутствию помощ-
ника;

5) и, самое главное, по типу основного
сюжетообразующего действия героя. Всего
можно выделить пять таких сюжетообразу-
ющих действий:

— бой с антагонистом («Победитель
змея» [СУС-300], «Три царства» [СУС-
301А, В] и т.п.);

— поиск диковинок или женщины («Мо-
лодильные яблоки» [СУС-551], «Бегство от
ведьмы с помощью бросания чудесных
предметов» [СУС-313Н*]);

— псевдодействие, то есть утрированная
леность в сочетании с активным использо-
ванием помощника («По щучьему велению»
[СУС-675]);

— овладение искусством колдовства
(«Хитрая наука» [СУС-325]);

— нарушение запрета с последующим
освобождением от возникшей вследствие
него опасности («Мальчик и ведьма» [СУС-
327С, F] и т.д.).

Важнейшими являются признаки с наи-
большим количеством позиций несочета-
емости друг с другом. Именно эти призна-
ки являются специфическими и тем самым
персонажеобразующими. Анализ сочета-
емости позволяет выделить несколько таких
признаков и, соответственно, выявить типы
героев-персонажей (подробнее о несочета-
емых признаках героя и о типах персона-
жей волшебной сказки см. [Добровольская
2001, 40—41]). При этом для героя-ребенка
оказывается свойственным определенным
способ действия — нарушение запрета и
последующее освобождение от опасности
(семь позиций несочетаемости). Для этого
героя мало характерны другие признаки (и
совершенно не характерны другие способы
действия), что дает нам право выделить в
качестве особого персонажа ребенка, нару-
шающего запрет.

Целесообразно также отметить общие свойства персонажей, обусловленные сюжетной героической функцией, то есть черты «героя» вообще. Это имя, среда обитания и внешний облик.

Имя служит средством номинации и индивидуализации персонажей. Оно указывает на социальные (Иван-царевич), ментальные (Иван-дурак), физические (Иван Медвежье ушко), возрастные (Ивашечка) признаки героя. В сказках используются как реально существующие имена, так и специально созданные (в последнем случае сказка присоединяет к имени необычное прозвище или отчество). Казалось бы, сказка должна знать много канонических имен для героя, тем не менее чаще всего встречается одно — Иван, и гораздо реже — Дмитрий, Федор, Степан, Андрей, Василий, Макар, Марк, Данило, Никита, Емельян, Нестер, Семен, Терентий (при этом Терентий, Нестер, Мартын обыкновенно употребляются как детские — Терешечка, Нестерко, Мартынка, имя же Иван используется в сказке и как детское — Иванушка, Ивашечка — и как взрослое — Иван, Ванюха). Из неканонических имен (а их приблизительно пятьдесят) для номинации главного героя используется еще меньше: Горох, Незнайко.

Средой обитания любого персонажа нужно считать ту часть сказочного пространства, где его способности проявляются в максимальной полноте. При этом, если большинство персонажей за пределами собственного локуса меняют поведение, то для героя пересечение границы «своего» мира не влечет изменения поведения (могут меняться только элементы внешнего облика); это единственный персонаж, полноценно и активно действующий в обоих мирах.

Герой волшебной сказки имеет некоторые внешние признаки, существенные для характеристики его генезиса. Прежде всего это неординарная внешность, на которую иногда указывает уже имя (Иван Медвежье ушко — у него медвежьи уши; Зорька может иметь на теле солярные символы). Помимо этого, герой в некоторых сюжетах скрывает свою внешность или какую-то часть тела, на что также может указывать имя (Неумойка не умывается и поэтому настолько грязен, что его нельзя узнать).

Герой-ребенок является одним из наиболее ярко выраженных типов героя в русской волшебной сказке. При обращении к «Указателю сказочных сюжетов» [СУС] мы

можем выделить достаточно большой круг волшебных сказок, в которых, в соответствии с названием сюжетного типа, в роли главного героя должен выступить ребенок. Однако при анализе собственно сказочных текстов выясняется, что круг сказочных сюжетов, где ребенок может присутствовать как персонаж, шире, чем тот, где этот ребенок действительно выступает в функции героя. Из общей массы выделяется целый ряд сюжетных типов, традиционно рассматриваемых как сказки, в которых действует ребенок. Однако даже беглый анализ позволяет говорить о том, что персонаж, называемый в них ребенком, отнюдь таковым не является.

Прежде всего, существует ряд сказочных текстов, в которых в зависимости от варианта действует то ребенок, то взрослый. Наиболее характерными примерами являются сказки «Мальчик учится страху» [СУС-326] и «Волшебный мальчик» [СУС-516**]. Для сказочного повествования совершенно не важно, кто отправится учиться страху: ребенок, подросток, юноша или взрослый мужчина [СУС-326]. Так, из трех текстов в сборнике Афанасьева в одном действует «Купеческий сын; сильный, смелый, смолоду ничего не боялся» [Афанасьев 1984, № 348], а во втором и третьем — «барин — такой смелый, ничего не боялся» [Афанасьев 1984, № 349] или «бесстрашный барин» [Афанасьев 1984, № 350]. Основной конфликт данной сказки заключается в несоответствии общепринятых представлений о страхе и вещей, пугающих героя сказки. Бесстрашный человек не боится привидения, ожившего мертвеца, но у него вызывают страх холодная вода или ерши, которых кладут ему за пазуху рыбаки. Сказка типа СУС-516** является разновидностью сказок СУС-516 «Верный слуга». Для сказочного повествования не существенно, ребенок или взрослый помогает царю добыть жену. В данном случае принципиальным является социальное противопоставление персонажей (царь — крестьянин), цель которого — показать неспособность социально главенствующего выполнить задание, которое с легкостью выполняет социально униженный.

Вторую группу составляют сказки, которым в силу традиции приписывается герой-ребенок, хотя при анализе текстов становится ясно, что герой данного типа сюжетов — взрослый («Мальчик похищает у нечистого сокровища» [СУС-328], «Чудесные дети» [СУС-707], «Мальчик и его бра-

тъя у ведьмы» [СУС-327В], «Бычок-спаситель» [СУС-314А*]). Причина сказочного конфликта во всех указанных типах сюжета лежит далеко за пределами оппозиции *ребенок / взрослый* или *ребенок / мифологический персонаж*. В сказке СУС-327В конфликт между героем и его противником возникает из-за поиска невест. Персонажи в сказке СУС-314А* также действуют как взрослые люди (сестра обманывает брата по совету любовника, брат женится); необходимость похищения сокровищ у мифологического противника в сюжете СУС-707 является частью свадебных задач героя; наконец, чудесные дети [СУС-707] к началу основного конфликта вырастают («мальчики росли-подрастали» [Афанасьев 1984, № 283], «сын Марфы-царевны рос не по дням, а по часам; вырос большой» [Афанасьев 1984, № 284] или «...шесть молодцов бросились к ней на шею...» [Афанасьев 1984, № 285]).

Особую разновидность составляет группа сказок, в которых объединяются несколько мотивов, первый из которых посвящен детству героя («Два брата» [СУС-303], «Катигорошек» [СУС-312] и т.д.). Основное действие в данном типе сказок осуществляется взрослым, а рассказ о чудесном рождении или росте героя необходим для того, чтобы показать связь героя с магическими силами.

Иногда как сказки с героем-ребенком рассматривают тексты с женским персонажем («Медведь и три сестры» [СУС-311], «Мачеха и падчерица» [СУС-480], «Чудесная корова» [СУС-511], «Снегурочка» [СУС-703], «Свиной чехол» [СУС-510] и т.д.). Но речь в них идет о девушке на выданье, младшей в семье, а не о ребенке. Итогом конфликта в данном типе сказок является удачное замужество героини.

Таким образом, сказками, где действует ребенок, необходимо считать те, в которых представлена оппозиция *взрослый / ребенок*, а не *старший / младший*, *социально высокий / социально низкий* и т.д. Таких сказок относительно немного: «Дети в избушке у ведьмы» [СУС-327А], «Мальчик и ведьма» [СУС-327С, F], «Братец и сестрица» [СУС-450], «Гуси-лебеди» [СУС-480А*], «Счастливое дитя» [СУС-628], «Мальчик-спальчик» [СУС-700]. В них в центре повествования находится герой-ребенок, подвергающийся опасности. Полное единообразие характера и детский возраст дают нам право считать, что во всех этих сюжетах мы имеем дело с генетически единым персонажем. Антагонистом героя данного типа выступает мифологический или социаль-

ный противник. Причем внутри группы сюжетов, где действует мифологическое существо, выделяются сказки, в которых герой действует один, и те, где действие распределено между ним и сестрой.

Обычно в тех сказках, где мальчик действует один, присутствует мотив чудесного рождения: герой появляется из отрубленного пальца, куска дерева, теста и т.д. «...*Приехал домой, дрова во дворе оставил, а лутушку в избу принес и положил в подпечек. На третий день что-то в подпечике зашумело, а потом кричит: "Тятя! Мама! Выньте меня!"*. ...*Старик поглядел в подпечек и увидел там небольшого мальчика...*» [Афанасьев 1984, № 111] или «*Ел-ел, поглядел на солнце, как чихнет, открыл глаза — перед ним стоит мальчик-с-пальчик в золотой шапочке...*» [Королькова 1959, 211]. В большинстве случаев чудесные предметы-эмбриогены хранятся в печи или за ней, а также в домашней утвари, связанной с приготовлением и выпеканием хлеба. Вероятно, данный мотив восходит к представлениям о печи как атрибуте обрядов перехода, в которых она выступает как эквивалент женского лона. Особенно ярко эти представления о печи отразились в загадках и обрядовой практике [Топорков 1986]. Так в загадках образ печи ассоциируется с жизнью:

*Печь день и ночь печет,
А невидимка дошлую ковригу выхватывает
(жизнь и смерть).
[Садовников 1959, 2126].*

Известен обычай обмазывать тестом недоношенного или слабого ребенка и, посадив на хлебную лопату, «перепекать в печи». В ряде сказок герой появляется не из печи, а из домашней утвари, с ней связанной (например из квашни, также осознаваемой в мифологии как женское лоно).

*Квашня делана,
А тесто не всходит (бездетное замужество).
(Зап. от Веры Петровны Козинной, 1917 г.р.,
г. Онега [АА]).*

Сохранился этот образ и в сказках. Так, в сказке «Молодильные яблоки» героиня говорит: «*Что за охальник из мово колодца тил, а воду не прикльыл*» (Зап. от Евгении Петровны Пименовой, 1913 г.р., г. Онега [АА]) или «*Что за простофиля тут был, из моей крынки тил, а воду не закрыл*» (Зап. от Ксении Федоровны Ульяновой, 1917 г.р., д. Дубровка Моск. обл. [АА]).

Герой волшебных сказок чаще всего попадает к антагонисту в результате похищения (СУС-628 «Счастливого дитя») либо неправильного поведения, причем встречается два варианта таких нарушений. В первом случае происходит *разрушение защитной границы*. Герой похищается из дома в результате самостоятельного разрушения защитной границы. Ребенок вступает с антагонистом в контакт и тем самым нарушает запрет на общение с чужими людьми: «Смотри, ежели будет баба-яга, ничего не говори. <...> Жихарко не мог стерпеть, забазлал: "Не тронь, курва, мою ложку". Баба-яга схватила Жихаря, потащила...» [Афанасьев 1984, № 106] или «Вдруг откуда не взялась яга-бура в железной ступе с пехтелем. <...> "А ты вот возьми-ка у меня яблочко-то из ручки в ручку". Он протянул руку. Яга-бура как схватила его...» [Афанасьев 1984, № 107]. Обрядовой практике известны запреты на речь в составе инициального и похоронного обрядов [Фрезер 1983, гл. 20—22], имитирующих смерть. Сказочный герой, в отличие от героя ритуала, подвергается за свое нарушение не мнимой, а реальной смерти.

Во втором случае ребенок сам *приближается к антагонисту*. Покинув дом, он вступает в контакт с противником у водного источника, то есть на границе двух миров: «Ведьма слышала, как дед и баба призывали Ивашку, и захотелось ей овладеть мальчиком... Ивашка приплыл, она рыбу забрала, его схватила и унесла к себе...» [Афанасьев 1984, 108]. Субъект ритуала в аналогичной ситуации соблюдает правила поведения и остается в живых; сказочный герой нарушает правила, и в наказание ему грозит смерть (о зеркальной логике ритуала см. [Топоров 1987]). Однако в сказке жертвой оказывается не герой, а его антагонист. Можно предположить, что этот тип сказки зафиксировал рудименты обряда инициации (ориентированного на обряд трупосожжения), когда для обретения новых способностей и перехода в иную социальную группу героя проводили через инсценировку смерти. В сказочном тексте некоторым указанием на это является спасение героя птицами, которых можно рассматривать как тотемных помощников.

Опасности может подвергаться не только сам герой, но и его сестра. Необходимо отметить, что в таком случае в сказках отсутствует мотив чудесного рождения, характерный для одиночного героя. С появлением в сказочном действии женского персонажа активность героя уменьшается, при-

чем может произойти как частичная (например, в сказке «Братец и сестрица»), так и полная потеря активности (в сказке «Гуси-лебеди»). Если герой полностью пассивен, то сестра начинает выполнять роль помощника и спасает брата от Бабы Яги («Ну Машенька схватилась, а братца-то нет, и побежала. <...> Машенька подкралась, Иванушку схватила и побежала в обратную сторону...») [Мачеха и падчерица 1993, 45]). Если же происходит лишь частичная потеря активности, опасности подвергаются оба персонажа и спасителем становится третий субъект сказочного действия, муж или жених сестры, что сближает сказку о «Братце и сестрице» с сюжетным типом «Подменная жена» (необходимо отметить, что помощь оказывается по цепочке: братца защищает и оберегает сестра, а ее спасает от смерти жених). «Они идут — еще копытце. Он не стал спрашивать — припал к лужице. Она глядит: а он козленок. <...> Она возненавидела Аленушку и наняла жулика, чтоб Аленушку утопить. <...> Тогда князь сейчас приказ отдал козленка не трогать. Позвал рыбаков это неводом прочасать. Оттуда ее взяли. <...> Князь женился на Аленушке» [Королькова 1959, 166—171].

Русский материал знает очень небольшую в количественном отношении группу текстов, где оба персонажа, подвергшиеся опасности, не теряют активности, хотя и здесь активность брата значительно ниже, чем у сестры (он тянет время, а она устраняет или ликвидирует противника). Для южно- и западнославянского, а также германского и балтского материала данный тип является более характерным (см. «Гензель и Гретель» [АТ-327; К 327Е*]).

Надо также отметить, что в сказках, где герой действует один на один с мифологическим персонажем, пространственное членение достаточно четкое (мир героя — мир антагониста). Сходная ситуация наблюдается в сказках, где присутствуют брат и сестра и происходит частичная потеря активности героя. В тех сюжетах, где появляются братья, выделяется такой компонент сказочного пространства как дорога, характерный для сказок со взрослым героем. При полной потере активности героя наблюдается та же ситуация.

В сказках, где противником героя выступает не мифологическое существо, а приказчик, купец, царь и т.д., пространственное членение на два мира ослаблено, события происходят в мире героя. Таким образом, конфликт переходит из сферы чудесно-

го в сферу социального и внимание сосредоточивается на хитрости и ловкости героя. Здесь герой-ребенок всегда активен, чудесно рожден (исключая сказку «Счастливое дитя», где его рождение естественно) или наделен при рождении чудесными свойствами.

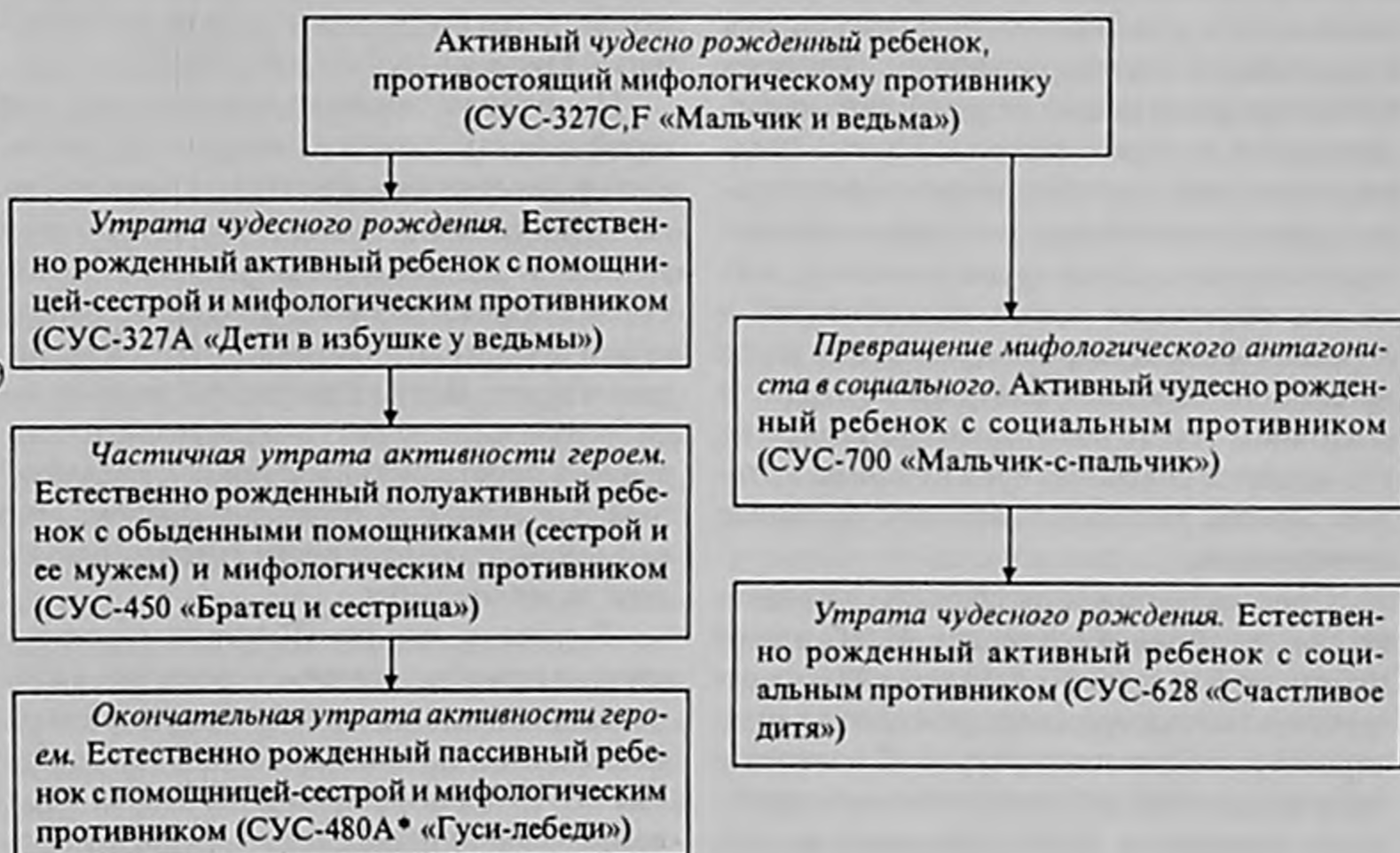
Итак, мы можем говорить о нескольких модификациях сюжета с героем-ребенком в русской сказочной традиции. Прежде всего, это сказки с активным чудесно рожденным ребенком, противостоящим мифологическому противнику («Мальчик и ведьма»). Традиция знает также слабо активного или пассивного естественно рожденного ребенка, противостоящего мифологическому противнику с помощью сестры («Дети в избушке у ведьмы», «Гуси-лебеди», «Братец и сестрица»). В сказках встречается тип активного чудесно рожденного ребенка, противостоящего социальному противнику («Мальчик-с-пальчик»). Наконец, есть естественно рожденный активный ребенок, противостоящий социальному противнику («Счастливое дитя»). Следует отметить, что естественно рожденный ребенок побеждает своего антагониста поэтапно, шаг за шагом, в то время как победа чудесно рожденного ребенка носит спонтанный и внезапный характер (так как наличие у него волшебной силы делает излишними конкретные усилия, которые были бы необходимы для побед по «реалистическим» правилам).

Для установления генетических связей всех этих модификаций естественно исходить из того, что, во-первых, сказки, где

брат и сестра активны, представляют собой промежуточное звено между сказками с единственным активным героем и пассивным героем, имеющим сестру; во-вторых, что наибольшее сходство признаков свидетельствует о наиболее тесном генетическом родстве сюжетных типов; и, в-третьих, что социальные мотивы появляются позднее. Легко заметить, что процессы изменения сюжета происходят в двух направлениях: от мифологического противника к социальному и от волшебного рожденного, имплицитно и чудесно побеждающего героя через естественно рожденного героя, наделенного магическими способностями после рождения и побеждающего чудесно, но уже эксплицитно, — к «обычному» ребенку, побеждающему эксплицитно и рационально, за счет действий своей сестры. Таким образом, имеет место одновременное ослабление волшебного начала и рационализация победы над антагонистом.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на качественную сонаправленность этих процессов (смена противника и ослабление волшебства), на деле они не синхронизируются (см. сказки с сочетанием мифологического противника с пассивным героем и социального противника с чудесно рожденным героем). Возможно, что сказка стремится сохранить некий минимум волшебства, приурочиваемого то к герою, то к его противнику.

Исходя из сказанного, можно построить гипотетическую модель эволюции сюжетов, в которых действует герой-ребенок:

Сказка «Мальчик и ведьма» с активным чудесно рожденным ребенком, противостоящим мифологическому противнику, является первым звеном цепи.

Затем из этого типа сюжета исчезает мотив чудесного рождения и образуется сказка, известная нам как сюжет «Дети в избушке у ведьмы», с естественно рожденным ребенком, который с помощью сестры борется с мифологическим противником. Появление сестры-помощника компенсирует утрату ребенком волшебного рождения и чудесных свойств; в противном случае эта утрата (учитывая, что противник остается мифологическим, то есть по-прежнему наделен магическим потенциалом), оказалась бы для героя-ребенка роковой и разрушила бы сюжет, делая невозможной его победу над антагонистом.

Далее модификационный процесс развивается в двух направлениях. С одной стороны, наблюдается частичная утрата активности и у сестры (у ребенка и у его сестры вместе) и появление в качестве новой компенсации третьего активного персонажа (мужа сестры), то есть формируется сказка «Братец и сестрица». В других сказках происходит полная утрата активности самим героем, и мы получаем сюжет с естественно рожденным пассивным ребенком, которого сестра спасает от мифологического противника благодаря чудесным помощникам (см. «Гуси-лебеди»). Эти помощники призваны восполнить окончательную утрату активности ребенком.

Интересно, что частичная потеря активности героем или его сестрой компенсируется силами обыденных помощников (самой сестры и ее мужа), а полная утрата активности самим героем — чудесными помощниками. Очевидно, независимо от того, каким считается рождение героя — чудесным или обычным, — сказитель подсознательно сохраняет представление о том, что герой наделен неким магическим потенциалом, и его утрата требует магического же восполнения (а частичная этого не требует). С другой стороны, из сказок с активным чудесно рожденным ребенком, противостоящим мифологическому противнику («Мальчик и ведьма»), исчезает мифологический противник, и на его месте появляется противник социальный («Мальчик-спальчик»). Вероятно, как особый тип, развившийся из этого, надо рассматривать сказку о естественно рожденном активном ребенке, наделенном магической силой после рождения и противостоящем социальному противнику («Счастливого дитя»). При

этом если сказки с единичным героем эволюционируют по сути в рамках единственной сюжетной модели, лишь модифицируемой с течением времени (практически наблюдается только замена мифологического конфликта на социальный и некоторое смещение акцентов в наделении героя магической силой), то направление, связанное с потерей активности и появлением сестры, дает принципиально новые сюжеты.

Итак, проанализировав волшебные сказки с героем-ребенком, отметим, что несмотря на их относительно небольшое число, среди них наблюдается большое разнообразие сюжетов, на примере которых можно рассмотреть генезис и эволюцию как отдельного персонажа, так и группы сюжетных типов.

Литература

Азадовский 1932 — Русские сказки. Избранные мастера / Ред. и коммент. М. Азадовского. Л., 1932.

Афанасьев 1984 — Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. Т. 1—3. М., 1984.

Добровольская 2001 — Добровольская В.Е. Герой волшебной сказки: К проблеме генезиса и эволюции образа // Художественный мир традиционной культуры. М., 2001. С. 37—67.

Зеленин 1997 — Великорусские сказки Пермской губ. / Сб. Д.К. Зеленина. СПб., 1997.

Королькова 1959 — Русские народные сказки. Сказки, рассказанные воронежской сказочницей А.Н. Корольковой. М., 1959.

Мачеха и падчерица 1993 — Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Сост., вступ. ст. и примеч. Е.И. Лутовиновой. Новосибирск, 1993.

Садовников 1959 — Загадки русского народа / Сост. Д.Н. Садовников. М., 1959.

Соколовы 1999 — Сказки и песни Белозерского края / Сб. Б. и Ю. Соколовых. Т. I—II. СПб., 1999.

Топорков 1986 — Топорков А.Л. Домашняя утварь в обрядах и поверьях Полесья. Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1986.

Топоров 1987 — Топоров В.Н. Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования, 1985. Т. 6. М., 1987. С. 10—52.

Фрезер 1983 — Фрезер Д. Дж. Золотая ветвь. М., 1983.

Список сокращений

АА — личный архив автора.

АТ — The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» translated and enlarged by Stith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.

К — Krzyżanowski Julian. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. Т. I—II. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1962—1963.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников и др. Л., 1979.